Психологические науки

УДК 159.9

ДИСКУССИЯ ПО СТАТЬЕ А. ЯНИЦКОГО «СТАЛИНСКАЯ МОДЕЛЬ НАУКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ»

Костригин А.А.[1], **Мироненко И.А.**[2], **Чупров Л.Ф.**[3]
[1]*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
[2]*Санкт-Петербургский государственный университет*
[3]*Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири*

Резюме. Представлена дискуссия по статье А. Ясницкого об истории советской психологии и современном состоянии российской психологии. Приведены комментарии специалистов по проблематике статьи.

Ключевые слова: история психологии, советская психология, российская психология, история науки, Сталинская модель науки, научная дискуссия.

История российской, в особенности, советской психологии является сложной и противоречивой. Многое в этом историческом процессе определялось не только научными, философскими, мировоззренческими факторами, но и идеологическими, политическими и социальными. Важность понимания основ советской психологии необходимо для точного осознания современной научной ситуации, т.к. психология в современной России является также и преемницей советской науки.

О том, что ответы на вопросы современной науки находятся в ее истории, писал Д. Робинсон в своей «Интеллектуальной истории психологии»: «Когда в девятнадцатом веке методология отделилась от метафизики, главные черты того, что мы относим к «современной психологии», были уже налицо. Таким образом, мы всего лишь выполняем программу, выдвинутую психологией девятнадцатого столетия» [4, С. 28]. Перефразируя классика, можно сказать, что и сегодня на нас оказывают

влияние те программы психологии, которые были выдвинуты в двадцатом веке. В том числе, и методологией советской психологии.

Далее будет представлена дискуссия по статье А. Ясницкого «Сталинская модель науки: история и современность российской психологии» [8]. Идея о данном обсуждении зародилась из переписки А. Ясницкого с российскими коллегами. Необходимо отметить, что здесь приводится только часть обсуждения. Редакционная коллегия выражает благодарность и признательность авторам, что они разрешили довести основное содержание "дискуссии в письмах" до других коллег, которые станут читателями материалов настоящей конференции.

Комментарий И.А. Мироненко.

Господин Ясницкий,

Я была в числе участников секции Ананьевских чтений, на которую Вас пригласили, и потому считаю себя обязанной откликнуться на Ваш призыв обсудить присланный Вами материал.

Полностью принимая сформулированные Вами условия к обсуждению, которое должно быть, в частности, «Рациональным и критическим: то есть основанным на логических аргументах, документальном материале и разуме, а не чувствах, убеждениях, мифах и преданиях, идеологемах и пропагандистских штампах :)», я прошу Вас прояснить ряд моментов в отношении первой части Вашего текста.

Вы начинаете с того, что Ваше исследование «опирается на серию революционных исследований и публикаций последнего времени, в которых была заложена основа будущей сравнительной дисциплинарной истории психологии в России досоветского, советского и постсоветского периодов», и на основе этого утверждения формулируете, не приводя далее содержательных аргументов, шесть положений о состоянии психологической науки в России на протяжении XX века. Однако источники, на которые Вы ссылаетесь, не исчерпывают заслуживающих внимания работ по истории психологии в России. Так, Вы вообще не упоминаете многолетние фундаментальные исследования ИП РАН, характерной чертой которых как раз является опора на огромный документальный, фактический, материал, работа с первоисточниками, и стремление к научной честности и непредвзятости, к отсутствию тех

«идеологем и пропагандистских штампов», которыми - простите и согласитесь со мной - грешит и Ваш текст. (Но еще Бэкон писал, что «наука смотрит на мир глазами, затуманенными всеми страстями человечества»).

Среди исследований ИП РАН, прежде всего, назову фундаментальную монографию «Психологическая наука в России XX столетия», под редакцией Брушлинского, работы В.А. Кольцовой и других сотрудников лаборатории истории психологии, всегда опирающиеся на огромный фактический материал. Предлагаемая Вами трактовка истории психологии в России существенно отличается от предлагаемой в этих и в других опубликованных российскими (и не только российскими) авторами работах. Отсутствуют и ссылки на работы таких мэтров российской истории психологии о ее развитии в XX веке, как А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский.

Отсутствие Вашего внимания к столь существенной части контекста истории психологии в России заслуживает разъяснений.

Приглашая нас к дискуссии, проясните свою позицию в контексте положений, с которыми уже выступили наши и Ваши уважаемые коллеги, уже сложившихся в дисциплине трактовок. В чем новизна, отличия и какова обоснованность Ваших положений, которые должны стать основой «будущей сравнительной дисциплинарной истории психологии в России досоветского, советского и постсоветского периодов»?

Без аргументации, без разъяснения, какие факты и на каком основании Вы трактуете соответствующим образом, Ваши шесть положений остаются голословными заявлениями, как их обсуждать в жанре научной дискуссии?

В частности и, в особенности, в отношении Вашего первого тезиса, о дореволюционном развитии психологии в России. Этот период и его значимость сейчас активно обсуждаются российскими психологами, прежде всего в контексте развития современной христианской психологии. Современными авторами (см., например, Кольцова) написаны тома об этом периоде. Вы их работы просто игнорируете.

И признаюсь, что фраза «Дореволюционная психология в России была неоригинальна и следовала за современной западной психологической наукой того времени», вызвала у меня не только

непосредственную реакцию детской обиды, как, наверное, у любого психолога, считающего себя принадлежащим к российской школе, но и чувство неловкости от участия в ситуации, где происходит что-то не совсем приличное. Понятие неоригинальности в науке и обвинения в неоригинальности, насколько я могу судить, появлялись только в ситуациях достаточно печальных, когда даже очень уважаемые ученые (как, например, Павлов и Бехтерев, о чем замечательно пишет Д.Тодес), действовали под влиянием страстей не самых благородных, обвиняя друг друга в этой самой «неоригинальности». Можно ли сформулировать «рациональные и критические» критерии неоригинальности в науке? Что Вы имеете ввиду? Если отсутствие своеобразия – отрицать его нелепо, как и в целом отрицать культурное своеобразие России. Что тогда?

И еще один вопрос: сталинская модель в России распространялась на все науки, в том числе математику, физику и пр.? Как все-таки связаны в Вашей модели истории науки «социальная» и «когнитивная» истории, если точнее и определеннее сформулировать? Эта связь, наверное, и сеть тот «имплицитный вызов», о котором Вы говорите в письме. Давайте обсудим это эксплицитно.

Что касается второй части Вашего текста, о положении в Российской психологии в 21 веке, на мой взгляд, оно обсуждается уже давно, блестяще проанализировано в работах А.В.Юревича, на которые Вы не ссылаетесь. В этой части я не вижу ни оригинальности предлагаемого Вами подхода, ни его конструктивности…..

Комментарий Л.Ф. Чупрова

Я вошел в среду преподавателей психологии в провинциальном педагогическом ВУЗе в 1980 г., а уже в 1982 целых полгода был на курсах повышения квалификации ИПК АПН СССР в Москве. Тогда мне представилась исключительнейшая возможность общаться с коллегами преподавателями из многих регионов РСФСР, Украинской ССР, Узбекской ССР. Естественно, и с преподавателями курсов из Москвы, с сотрудниками НИИ дефектологии АПН СССР, ученицей Л.С. Выготского, профессором М.С. Певзнер и с некоторыми из тогда еще здравствующих учениц Л.С. Выготского [7]. У меня было, что наблюдать и что сравнивать. Вывод же лежал на поверхности: Союз большой и уровень научной, теоретической и

прикладной подготовленности психологов периферии весьма отличался от таковой у московских коллег. Многие провинциалы так читали лекции по психологии и проводили семинарские и лабораторно-практические, что даже не удосуживались обратить внимание на имя и отчество автора монографии, учебника или статьи в хрестоматии. В этой связи могу рассказать забавный случай, произошедший с одним из наших абаканских психологов. Он учился на курсах ИПК годом раньше меня. В свободное от занятий время пришел в МГУ на психфак. Посмотрел на расписание: «Б.В. Зейгарник. Патопсихология» ауд. №. Знакомая фамилия. Посмотрел на часы - успевает. Зашел в аудиторию, сел на самой галерке амфитеатра. Ждет, когда же лекция начнется. Время уже давно бы лектору придти, а вместо него какая-то маленькая лысая старушка что-то рассказывает. Решил спросить у студента: «Когда Борис Васильевич читать будет. Он что всегда так опаздывает?». Студент недоумевает, какой такой Борис Васильевич? Тогда наш провинциальный ассистент просвещает «некомпетентного» студента: «Как какой, молодой человек, Зейгарник». Студент в трех-четырех словах ему объясняет, что Блюма Вульфовна Зейгарник уже читает лекцию, на нашего «просвещенного» ассистента-психолога нападает истерический смех и ему приходится покинуть аудиторию.

Я не совсем согласен с Ириной Мироненко. Ставить в один ряд науки, обслуживающие оборонку и гуманитарные, ориентированные, на «Ах, боже мой! Что станет говорить Княгиня Марья Алексевна!» (с) не совсем корректно. В период сталинизма рукою Иосифа Виссарионовича (или его «научных негров») подвергались правке и языкознание, и политическая экономия. На психологию же возлагалась задача по воспитанию нового поколения, как и на педагогику. Правда, последняя хорошо обходилась без психологии. Помнится, прочитал я ак. Столетова. Я был поражен. Он о Выготском рассуждает на уровне ОБС.

Но я бы хотел заострить внимание на тезисе, что Л.С. Выготского не издавали. Думаю, как «внучатый последователь научной школы Л.С. Выготского» имею право узурпировать эти полномочия. Да его действительно мало издавали до времен «хрущевской оттепели». Тем не менее, его книги увидели свет. Да, 6-ти томное издание вышло только после аналогичного «купированного» зарубежного издания [6]. Но оно

вышло. Вряд ли могли в СССР выходить труды кого-либо, кто также, как и Лев Семенович, имел ярлык «педолога» в энциклопедиях и специальных словарях. И заметьте, в составе редакционных коллегий этих словарей и энциклопедий были весьма уважаемые и почитаемые светила психологической науки [6]. И, тем не менее, выходили. Ну, ни как полное собрание сочинений И.П. Павлова. Разве, что только А.Р. Лурия мог уступать по публикуемости Л.С. Выготскому, а Лев Семенович, И.П. Павлову. В.М. Бехтерев (1857 - 1927) увидел свет со своей «Коллективной рефлексологией» только в годы перестройки, а К. Н. Корнилов (1879—1957) же вообще лично мне известен по букинистическому изданию.

МОДЕЛЬ.

Попробуем рассмотреть саму модель.

1. **Централизация и контроль**

А кто-то пытается отрицать, что контроль был жутким? Старые преподаватели психологии (я имею больший опыт общения с удаленными от центра регионами) рассказывали, что на лекциях в ВУЗах присутствовали в их время (а их пенсионный возраст наступил уже в 85-90гг.) стенографистки. На периферии, в большинстве случаев, существовало только преподавание психологии. Известно, что транслировать чужие мысли может любой, умеющий читать и говорить, поэтому долгое время так и бытовало представление, что психологию может преподавать любой [4]. Чаще всего, не смотря на наличие иного базового образования, именно представители из кланов высшего (в региональном смысле) партийно-хозяйственного актива и были «ведущими» психологами. За все свое время обучения и в медицинском институте и в педагогическом я не встретил ни одного выпускника психфака. Уже работая в Абаканском государственном педагогическом институте, я впервые встретил в наших краях двух выпускников психфаков. Но, ни выпускник психологического факультета Ростова-на–Дону, ни выпускница ЛГУ им. А.А. Жданова не смогли устроиться или долго задержаться на преподавательской должности в АГПИ. Проверкой «годности» психологических кадров было распоряжение об обязательной работе преподавателей психолого-педагогических кафедр в школе или ином образовательном учреждении от 1988 г. Я сам распределял своих

преподавателей кафедры (тогда как раз открыл кафедру психологии в АГПИ). Не задержались. Самое большое - полгода «воздух попинали».

2. **Клановость**. Это явление распространялось на все, престижные по тому времени, специальности: психолог (преподаватель психологических дисциплин), учитель-логопед и, даже, учитель вспомогательной школы. Обладатели соответствующих дипломов ими только обладали, а должности были заняты лицами, приближенными к региональному «ближнему кругу».

4. **Разрыв между теорией и практикой**

Тут даже спорить не надо. В АГПИ и в Хакасии в целом, первые научные публикации по психологии сделал Ваш покорный слуга, начиная с 1982 г. До поступления в московскую очную аспирантуру каждая новая публикация оборачивалась партийным взысканием. Даже работа в школе была поводом для разбора на заседании парторганизации. Спасало меня только то, что я в школе был оформлен как фельдшер.

Москва и Питер – это центры. Здесь есть традиции, есть определенная научная культура, но в провинции, да еще «за камнем, за Уралом» (с) эта модель до сегодняшнего дня существует и поставляет свои метастазы в изначальные психологические центры.

Комментарий А.А. Костригина

В статье А. Ясницкого подняты действительно важные темы. Степень близости науки и государства, абсолютизация прошлых достижений науки и др. Но некоторые моменты могут быть уточнены.

А. Ясницкий отмечает, что дореволюционная психология в России была неоригинальна. Необходимо конкретизировать: какой период имеется ввиду (непосредственно перед революцией или на всем протяжении истории дореволюционной российской психологии), кто был неоригинален, в каких работах, в каких концепциях, кого использовал (или у кого позаимствовал).

Указанное утверждение не полностью соответствует действительности. Например, до сих пор не оценен вклад религиозно-философского направления психологии в XIX в. в психологию сна и сновидений. Профессор Киевской духовной академии Петр Семенович Авсенев за 30 лет (1810-1852) (1869) [1] до З. Фрейда (1899) высказал

идею о том, что сновидение – это желание (а фактически, за 50 лет, т.к. работа П.С. Авсенева была опубликована посмертно на основе его лекций, которые он составил в 1845-1849 г. [1, С. 53]). Были и другие ученые, в большей или меньшей степени оригинальные [5], но они совсем были забыты.

Возможно, А. Ясницкий не ставил задачу подробного изложения этого вопроса. Тогда это можно пояснить в дальнейшей дискуссии.

Заключение

Данные комментарии – начало дискуссии о проблемах истории российской психологии. Редакционная коллегия приглашает к участию всех заинтересованных и неравнодушных к судьбе истории психологии в России специалистов.

Библиографический список:

1. Авсенев П.С. Из записок по психологии. СПб.: Тропа Троянова, 2008. 335 с.

2. Артемьева О.А. Был ли симбиоз? (По поводу статьи А. Ясницкого “Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920 - 1930-х гг.”) // Вопросы психологии. 2011. №5. С. 101–110.

3. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер с англ.- М.: Политиздат, 1991. – 480 с.

4. Робинсон Д. Интеллектуальная история психологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.

5. Стоюхина Н.Ю., Костригин А.А. Отечественные психологи конца XIX - начала XX вв. о снах и сновидениях // Психология и Психотехника. - 2015. - № 1. - С.63-69. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.1.13808

6. Чупров Л.Ф. Закономерная дискуссия // Психологический журнал. - 1984.- Т. 5.- № 2.- С. 121- 122. (Database: PsycINFO).

7. Чупров Л.Ф. Певзнер, Мария Семеновна - штрихи к биографии. // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2014. – № 4; URL: pem.esrae.ru/5-33

8. Ясницкий А. [Yasnitsky, A.] Сталинская модель науки: история и современность российской психологии [Stalin model of science: The history and the state of the art of contemporary Russian psychology] // Доклад на конференции "Ананьевские чтения – 2015: Фундаментальные проблемы психологии". С.-Петербург, 20-22 октября 2015. // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4. С. 419-425; URL: pem.esrae.ru/8-74

– ● –

Kostrigin A. A., Mironenko I. A., Chuprov L. F. Diskussija po stat'e A. Jasnickogo «Stalinskaja model' nauki: istorija i sovremennost' rossijskoj psihologii»/A. A. Kostrigin, I. A. Mironenko, L. F. Chuprov // PEM: Psychology. Educology. Medicine. – 2015. – № 3-4.

– ● –

Abstract. Presents the discussion on article by A. Yasnitsky about the history of Soviet psychology and modern state of Russian psychology. Provides expert comments on the issue of the article.

Keywords: history of psychology, Soviet psychology, Russian psychology, history of science, Stalin's model of science, scientific discussion.

– ● –

Сведения об авторах

Артем Андреевич **Костригин**, ассистент кафедры психологии управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И Лобачевского, Аспирант кафедры общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (Н.Новгород, Россия).

Ирина Анатольевна **Мироненко**, доктор психологических наук, профессор, кафедры социальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Леонид Федорович **Чупров**, кандидат психологических наук, профессор РАЕ, Full Member of EuANH, главный редактор научного журнала «Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири» (Черногорск, Россия)..

© А. А. Костригин, 2015.
© И. А. Мироненко, 2015.
© Л. Ф. Чупров, 2015.
© *«PEM: Psychology. Educology. Medicine», 2015.*

Подписано в печать 18.12.2015.